

DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9157

EDN: UTWCLC

Т.А. ГУРКО¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

ПРИМЕНЕНИЕ ПОНЯТИЙ ТЕОРИИ СЕМЕЙНОГО СТРЕССА В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. Актуальность применения теории семейного стресса (ТСС) в исследовательской практике обусловлена растущим разнообразием стрессорных событий в условиях эволюции и трансформации институтов брака и родительства, непредсказуемых событий в мире. Основная цель обзора — выделить те предметные направления социологии семьи, в которых чаще других используются понятия ТСС (стрессор, стресс, кризис, ресурсы, восприятие события, стратегии совладания со стрессовой ситуацией) или с помощью этой теории интерпретируются эмпирические результаты.

Базой для анализа послужили статьи последнего десятилетия в ведущих журналах: *Journal of Marriage and Family*, *Journal of Family Issues*, *Journal of Comparative Family Studies*, а также в открытом доступе. Отбирались работы по проблематике ТСС, в которых представлены результаты количественных исследований и с использованием качественных методов, например, интервью с членами семей.

Выделены два основных направления применения понятий ТСС в зарубежной исследовательской практике — влияние стрессоров, связанных с пандемией, на жизнедеятельность семей и изучение стратегий совладания со стрессами разделения членов трансграничных семей. В обзоре не представлены другие предметные области, при исследовании которых за рубежом применяются понятия ТСС, например, последствия разводов, экономических кризисов, влияния на семейную систему приобщения члена семьи к алкоголю, наркотикам, азартным играм, работоголизм члена семьи, смена пола и др.

Показано, что ТСС позволяет объяснить, почему в разных странах, социальных группах и семьях результаты совладания со стрессорными событиями, связанными с пандемией, были как позитивными, так и негативными. Также представлены основные стратегии совладания членов трансграничных семей со стрессом разделения.

Сделан вывод о перспективности применения ТСС при разработке и проведении социологических исследований российских семей, испытывающих разного рода стрессорные воздействия.

Ключевые слова: стрессоры; восприятие; ресурсы; стратегии совладания; кризис; жизнестойкость; родители; супруги; дети; пандемия; трансграничные семьи; уход/забота.

Для цитирования: Гурко Т.А. Применение понятий теории семейного стресса в зарубежных исследованиях // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 3. С. 166–183. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9157 EDN: UTWCLC

Введение

Основная цель обзора состояла в том, чтобы при анализе зарубежных публикаций по социологии семьи последнего десятилетия выделить те предметные направления, в которых как минимум используются понятия ТСС или теория используется для интерпретации эмпирических результатов. В итоге, по сути эмпирическим путем, выделено два основных направления: последствия пандемии и разделения членов трансграничных семей. Кроме того, обобщены содержательные результаты исследований по данным актуальным предметным областям.

Предпосылки теории семейного стресса возникли в период Великой депрессии в США. Социологи уже в 1930-х гг. изучали материальные потери в качестве стрессорных событий и адаптацию семей к новым экономическим условиям, в частности семей безработных мужей. В 1949 г. основную модель семейного стресса (ABC-X) предложил Рубен Хилл для исследования семей, в которых мужья пропали без вести после войны (цит. по: [3, с. 121]).

Эту теорию Р. Хилла в дальнейшем развивает Паулина Босс. Она предлагает типологизацию стрессорных событий, понятия неоднозначной утраты (ambiguous loss) в качестве стрессора, неоднозначности семейных границ (boundary ambiguity), стратегий совладания (coping) со стрессовой ситуацией, а также рассматривает гибкость, жизнестойкость (resilience) как способность выходить на новый уровень после воздействия стрессорного события [13; 14].

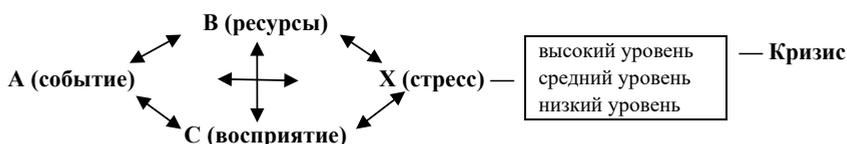

Рис. ABC-X модель семейного стресса (П. Босс)

- A — провоцирующее событие, или стрессор;
- B — ресурсы (сильные стороны) семьи на момент события;
- C — значение, придаваемое событию семьей (индивидуально и коллективно);
- X — уровень стресса.

В модели ABC-X [15, p. 53] A (см. рис.) означает стрессорное событие, которое может спровоцировать изменения в семейной системе, но оно не является синонимом стресса. Такое событие знаменует

отправную точку для процесса изменений и последующего стресса различного уровня.

П. Босс выделяет *источники, типы, продолжительность и интенсивность стрессорных событий*, которые по-разному воздействуют на семейную систему [14, р. 51–53].

Источники стрессов. *Внутрисемейные:* события, которые начинаются с кого-то в семье, такие как зависимость (алкоголизм, наркомания, игромания), самоубийство, насилие или баллотирование на выборах. *Внешние* по отношению к семье: события, которые начинаются с кого-то или чего-то вне семьи, такие как терроризм, землетрясение, инфляция, пандемия.

Типы стрессоров. *Нормативные, предсказуемые:* события, которые ожидаются в течение жизни, такие как рождение ребенка, половое созревание, подростковый возраст, брак, старение, менопауза, выход на пенсию. *Ненормативные, неожиданные:* увольнение, выигреш в лотерее.

Неясные, неоднозначные. Одним из таких стрессоров является то, что П. Босс называет неоднозначной утратой, причем антоним — неоднозначное приобретение (gain) также может стать стрессором. Неоднозначная психологическая утрата означает, что человек, к которому член семьи привязан, физически присутствует, но психологически отсутствует (например, муж-алкоголик). Неоднозначная физическая утрата предполагает физическое отсутствие, но психологическое присутствие близкого человека, как, например, в ситуации ребенка и отца после развода супругов. *Ясные, однозначные стрессоры:* члены семьи знают, что случилось и каковы последствия.

Добровольные: события желательны, например, смена работы, желаемая беременность. *Недобровольные:* необходимость усыновить ребенка родственников, измена супруга.

Продолжительность. *Хронические стрессоры* действуют длительный период, и не ясно, когда их действие закончится (например, болезнь кого-то из членов семьи или дискриминация по этническому признаку). *Временно действующие:* например, переезд в другую квартиру, ремонт.

Интенсивность. *Кумулятивные:* новый стресс произошел тогда, когда семья не справилась с предшествующими. *Изолированные:* семья справляется с одним стрессорным событием.

В России мало социологических исследований с применением понятий этой теории (например: [1; 2]), как и эмпирических работ психологов [3; 4; 5].

Ранее были описаны результаты зарубежных исследований, в которых изучалось влияние на благополучие членов семей и семейной системы в целом таких стрессоров, как война, развод, экономические потери [3, с. 127–133].

Пандемия как источник семейных стрессоров

Особое внимание за рубежом уделяется таким стрессорам, связанным с COVID-19, как переход на удаленную работу, потеря работы, уменьшение дохода домохозяйства, ослабление социальных контактов, вынужденная интенсификация семейного общения, возросшие требования к обучению детей на дому, возвращение взрослых детей в домохозяйства родителей. Эти стрессоры являются ненормативными, неожиданными и недобровольными.

В качестве зависимых переменных исследователями анализируются: уровень стресса или кризисного состояния семейной системы, индикаторы психического здоровья детей и взрослых, отношения супругов, детей и родителей, уровень конфликтов в семье, практики насилия, а также стратегии преодоления стрессовых ситуаций.

Пандемия, судя по данным эмпирических исследований, имела положительные последствия для одних семей и отрицательные — для других. Согласно теории семейного стресса существует ведущее значение восприятия стрессора [15, р. 44]. Важны также наличие и рациональное использование ресурсов, выработка рациональных стратегий совладания. Последствия воздействия стрессорных событий, связанных с COVID-19, в значительной мере обусловлены их восприятием членами семей и семьей как системой. Положительные последствия стрессоров для членов семей можно рассматривать и как результат успешного совладания с возникшими стрессовыми ситуациями, следствие жизнестойкости членов семей и гибкости семейной системы.

Например, отмечается повышение значимости дома для городских южнокорейских жителей. Для многих из них дом перестал быть только местом для сна и превратился в «базовый лагерь, включающий множество основных видов деятельности, связанных с работой, учебой, воспитанием детей, домашним хозяйством, покупками, досугом и религией» [29, р. 311]. Подобным образом для многих испанцев преимуществом пандемии стала возможность проводить больше времени с семьей, заботиться о детях и работать удаленно. Отмечается также позитивный факт ускорения развития новых технологий в бытовой сфере [21]. Положительные последствия пандемии, которые выявили южноафриканские исследователи: поддержание чистоты в доме, увеличение семейного времени и общения, улучшение управления финансами домохозяйства [8, р. 274]. Согласно данным исследования, проведенного китайскими учеными на разных выборках, члены семей переживали как позитивные, так и негативные изменения. Например, подростки сообщили об ухудшении отношений со своими родителями, но позитивно оценили возможность больше общаться со сверстниками в социальных сетях [26]. Такая реакция на вынужденное пребывание дома вполне закономерна, поскольку подростковый период связан с потребностью эмансипации от родителей.

Другие исследователи отмечают преимущественно негативные последствия пандемии. Малообеспеченные домохозяйства в Португалии обычно не способны были преодолеть стрессорные события и выработать адекватные стратегии в условиях резкого уменьшения доходов, в качестве показателей кризиса в семьях ученые анализировали переживания страха и демотивацию. Высокодоходные домохозяйства справлялись с этой ситуацией вполне успешно [40]. В Бразилии в кризисной ситуации оказались домохозяйства, которые имели плохие санитарные условия и члены семей которых заняты в неформальной экономике. Доля таких домохозяйств велика, а исследователи отмечают потребность бедных семей в поддержке государства. Менее доступными услуги здравоохранения оказались для афроамериканцев, лиц без определенного места жительства, женщин и представителей ЛГБТ сообществ [31, р. 332]. Японские ученые установили, что уменьшение доходов, вынужденное пребывание дома, интенсивное семейное общение провоцируют стресс и напряженность в отношениях супругов, это в значительной мере связано с небольшой площадью жилищ. В то же время улучшенные услуги по доставке продуктов питания на дом, новые технологии в образовании и удаленной работе способствовали адаптации японских семей к глобальному кризису пандемии [28, р. 366].

В разных странах родители испытывали высокий уровень стресса во время пандемии, что оказывало непосредственное влияние на адаптацию детей к новой жизненной ситуации. Изучение воздействия COVID-19 в Австралии проводилось на повторном опросе родителей несовершеннолетних детей. Родителям, например, было неясно, насколько безопасно детям находиться в помещении с другими людьми, стоит ли разрешать ходить в школу без масок, навещать друзей и т. д. По сравнению с периодом до пандемии, родители переживали более высокий уровень депрессии, тревоги, стресса, раздражительности, чаще употребляли алкоголь и конфликтовали между собой и с детьми. Эта тенденция проявилась особенно явно среди молодых родителей, тех, которые потеряли работу или не удовлетворены жилищными условиями [49, р. 9]. В США также были выявлены увеличение уровня депрессии родителей, снижение качества родительства, значительное ухудшение психического здоровья детей в период пандемии [20, р. 12]. На данных исследования родителей, обращающихся в бесплатные центры семейного консультирования в Норвегии, показано, что в период пандемии значительно повысился уровень родительского стресса. Однако среди родителей, проживающих раздельно, уровень конфликтов снизился, что связывается исследователями с увеличением интервалов между перемещениями детей между домами и, соответственно, уменьшением контактов между родителями [23, р. 1523]. О возрастании стресса и бессилия среди родителей школьников начальных классов

свидетельствуют и данные опроса через социальные сети и родительские ассоциации в Германии. Одним из источников стресса служило отсутствие достаточного времени и компетенций для помощи детям в дистанционном обучении. Факторами риска были невысокий уровень образования родителей, продолжительное рабочее время, отсутствие обратной связи с учителями в периоды дистанционного преподавания [33, р. 19]. Испанские социологи отмечают, что многие родители испытывали высокую эмоциональную нагрузку из-за постоянного пребывания детей дома [21, р. 13]. В Новой Зеландии в период изоляции потеря работы, сокращение семейного дохода и проживание в неблагополучном районе являлись основными факторами риска родительского стресса [45].

В США трудности в помощи детям в дистанционном обучении испытывали больше матерей (36%) в сравнении с отцами (21%), больше матерей с низким доходом домохозяйства (36%) в сравнении с матерями с доходами выше среднего (18%) [41]. Онлайн-опрос в США и Канаде выявил, что у матерей, проживающих без партнера и других взрослых в домохозяйстве, уровень стресса был выше, нежели у матерей, проживающих без партнера, но с другими взрослыми [24].

В качестве внутреннего ресурса для адаптации родителей в период пандемии в Бельгии эмпирически была показана значимость устойчивой родительской идентичности, которая определяется через наличие ясных и последовательных целей в отношении своей родительской роли [42, р. 1053]. Одними из наиболее важных внешних ресурсов для родителей стали поддержка со стороны воспитателей, учителей (доступность и частота обратной связи), а также неформальная помощь родственников и друзей [33, р. 17].

Пандемия повлияла на психическое здоровье детей. Такие эмоции, как страх, одиночество и тоска, стали определять жизнь миллионов детей¹. Лонгитюдное исследование в Канаде когорты детей школьного возраста до и во время пандемии проводилось для изучения изменений их психического здоровья, в том числе в зависимости от поведения родителей (враждебность или поддержка). Было показано, что материнская враждебность во время пандемии была однозначно связана с проблемами общения ребенка (гнев, раздражительность и конфликтное поведение), а материнская тревожность — с детскими проблемами внутреннего характера (депрессия, эмоциональная лабильность) [27].

¹ В моем сознании. Укрепление, защита и сохранение психического здоровья детей. Положение детей в мире, 2021 г. Резюме доклада ЮНИСЕФ на русском языке. New York, United Nations Children's Fund (UNICEF), 2021. — URL: <https://www.unicef.org/eca/ru/Отчеты/положение-детей-в-мире-2021-год> (дата обращения 18.01.2022.)

В ходе интервью с родителями и их детьми в Канаде было установлено, что ограничение общения со сверстниками привело к дистимии и увеличению экранного времени [30]. В США 72% родителей старшеклассников ответили, что в период дистанционного обучения их дети стали намного больше времени посвящать видеоиграм, Интернету и телевизору [35].

Зарубежные специалисты прогнозируют увеличение практик жестокого обращения с детьми. Однако данные о насилии над детьми членов семьи в период пандемии недостоверны, указывают исследователи, поскольку такая отчетность опирается в основном на работников социальной защиты детей, учителей, врачей и других специалистов, с которыми дети стали редко контактировать в период изоляции [16; 50].

В период изоляции во всем мире наблюдался и рост насилия со стороны интимного партнера (*intimate partner violence*), что является результатом принудительного длительного совместного пребывания, постоянного присутствия детей в доме, создающих дополнительный стресс, а также более частого злоупотребления психоактивными веществами. Партнеры, практикующие насилие, могли использовать COVID-19 в качестве причины не обращаться в полицию и службы экстренной помощи. Пандемия повлияла на возможность раздельного проживания и развода из-за сокращения средств для приобретения отдельного жилья [17; 50].

В период пандемии соединение дома и работы для многих социальных групп способствовало универсализации семейных ролей мужчин и женщин. Однако результаты исследователей разных стран противоречивы. На данных повторного исследования в Германии установлено, что необходимость компенсировать отсутствие внешнего ухода за детьми и работать на дому привела к обострению конфликта «семья – работа» только среди отцов [39].

Согласно данным двух репрезентативных исследований в США (2003–2018 American Time Use Survey и 2020 Current Population Survey), среди родителей, которые работали удаленно, до пандемии различия в продолжительности работы по дому и оплачиваемой работы между отцами и матерями были больше, нежели в период пандемии. Отцы стали больше времени уделять выполнению работ в домохозяйстве [30, p. 230].

К такому же выводу пришли и исследователи из Бельгии. Согласно их данным, мужчины стали выполнять больше домашней работы в период пандемии в сравнении с 2013 г., а нагрузка женщин осталась прежней. Однако, считают ученые, воздействие пандемии на разделение труда в домашнем хозяйстве — временный эффект, а не долгосрочная тенденция изменения ролей мужчин и женщин в частной сфере [48].

Изменение распределения родительских обязанностей стало еще одной стратегией совладания, по крайней мере, по субъективной оценке. Доля отцов, которые считали, что проводят со своими детьми нужное количество времени, стала несколько выше, чем до пандемии (36% в 2017 г. и 46% в 2020 г.). Динамика среди матерей незначительна: 53% в 2017 г. и 58% в 2020 г. [11]. Уменьшилось и число матерей, которые предпочитают работать полный рабочий день в связи с увеличением родительской нагрузки [36], что также можно считать стратегией совладания с последствиями пандемии.

Таким образом, в разных странах, социальных группах и семьях характер совладания со стрессорными событиями, связанными с пандемией, не/способность справиться с кризисом зависели не только от восприятия, но и от имеющихся ресурсов. В их числе низкий материальный уровень домохозяйств, специфика занятости, невысокий уровень образования членов семей, стесненные жилищные условия, патриархатные нормы в отношении разделения семейных ролей.

Разделение членов семей в качестве стрессора

В условиях глобализации и миграции очевидно увеличивается многообразие межстрановых² трансграничных семейных структур, которые становятся объектом специального внимания социологов семьи. Большой объем исследовательских статей, посвященных трансграничным семьям, обусловлен актуальностью темы во многих странах — как принимающих, так и отправляющих. В свою очередь, возможно, именно трансграничные семьи чаще других (зависит от критерия типологии) находятся под воздействием разного рода стрессоров.

Трансграничные семьи — это семьи, члены которых физически разделены между двумя государствами или более, но сохраняют тесные связи и отношения. Определяющим процессом, который поддерживает семейные отношения, является взаимозабота. Этот процесс имеет пять измерений: материальное (денежные переводы, покупка товаров, продуктов питания, одежды и оплата счетов), практическое (обмен советами и помощь в быту), уход (например, кормление, купание), эмоциональное (поддержка психологического благополучия другого) и предоставление жилья. Особенность трансграничных семей состоит в специфике «заботы, циркулирующей на дистанции» [9, р. 159].

Оценка распространенности трансграничных семей зависит от индикатора измерения, одним из которых является динамика миграции. В условиях пандемии миграция замедлилась [38, р. 1]. Однако

² Возможно, ранее предложенное нами понятие «межстрановые» [4, с. 104] и не совсем удачно. Однако необходимо было избежать употребления кальки «транснациональные», в которой под словом «национальные» имеются в виду страны. Предлагаем использовать понятия «разделенные семьи» или «трансграничные семьи» как синонимы.

доля людей, проживающих не на родине, велика во всех странах, хотя и в разной мере³. Миграционная политика в странах, принимающих мигрантов, часто затрудняет воссоединение семей.

Одни члены семей вынужденно разделены военными конфликтами, политическим преследованием или другими не зависящими от них обстоятельствами. Другие добровольно отправляются в принимающую страну с целью получения высокооплачиваемой работы или образования. Добровольным источником трансграничных семей являются международные браки. В таких случаях на родине также остаются родственники одного из супругов. В США, например, среди межэтнических браков доля браков между гражданами в последние два десятилетия стабилизировалась, а доля браков граждан страны и мигрантов увеличивается [47, р. 227]. В России увеличивалось количество международных браков начиная с 1990-х гг., среди которых велика доля браков с гражданами стран СНГ [4, с. 108].

Изучаются последствия разделения для членов семей, либо оставшихся на родине, либо находящихся в принимающей стране. Понятия стресса, неоднозначной утраты, неоднозначных границ и стратегий совладания часто используются при анализе трансграничного семейного опыта [44].

Анализируется влияние на детей отсутствия родителей на родине. Примерно у 25% детей в отдельных странах, отправляющих мигрантов, есть по крайней мере один родитель, который работает за границей [34, р. 705]. Дети, оставленные на родине родителями, часто отстранялись от них, уходили из школы, вовлекались в банды. Дети могут получать выгоду от денежных переводов, в то же время эмоционально страдая от разлуки [19, р. 1059].

Мексиканские дети значительно чаще общаются с отцами, работающими в другой стране, нежели с отцами после развода. Причем частота общения с отцами-мигрантами положительно связана со школьной успеваемостью [37, р. 729]. Патриархатные стили дисциплинирования детей отцами-мигрантами из стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана меняются на более либеральные в условиях работы в другой стране [46, р. 14].

Последствия миграции родителей для детей зависят от пола родителя. В тех случаях, когда на заработки мигрировала мать, больше детей были хорошо материально обеспечены, нежели когда уезжали отцы. Матери отказывают себе во многом, чтобы отправить денежные переводы домой своим детям. Однако дети сильнее страдают эмоцио-

³ Foreign-born population (indicator). Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). 2022. — URL: <https://data.oecd.org/migration/foreign-born-population.htm>. DOI: 10.1787/5a368e1b-en (дата обращения 18.02.2022.)

нально, когда на заработки уезжает мать, по сравнению с тем, когда уезжает отец [34, р. 705].

В четырех странах Юго-Восточной Азии — в Индонезии, на Филиппинах, в Таиланде и во Вьетнаме — изучалось психологическое благополучие детей в возрасте до 12 лет в зависимости от миграционного статуса домохозяйства. Установлено, что в Индонезии и Таиланде дети, проживающие в домохозяйствах, где есть отцы-мигранты, с большей вероятностью психологически неблагополучны по сравнению с детьми, отцы которых не работают в другой стране. Этот вывод не подтвердился для Филиппин и Вьетнама. Авторы интерпретируют эти данные различием социальных норм [22, р. 781], то есть разной степенью стигматизации детей из трансграничных семей в этих странах.

Прибывающие в принимающую страну дети по-разному адаптируются. Проблемы с дисциплиной детей мигрантов из Западной Африки в Европе и Северной Америке как в школе, так и дома вынуждают родителей отправить их на родину. Такая стратегия используется для воссоединения детей со своей культурой и родными, хотя и в ущерб пребыванию с родителями [12, р. 755]. В то же время дети быстрее родителей осваивают язык принимающей страны и чувствуют себя более уверенно [46, р. 11]. Если родители, не имеющие документов, находят способ привезти своих детей в принимающую страну, дети сталкиваются с препятствиями к получению образования и медицинского обслуживания и впоследствии могут сами стать работниками без документов [34, р. 710].

Особые стрессы вдалеке от привычного круга друзей испытывают дети, которых родители отправляют для получения образования, в том числе для уклонения от обязательной военной службы мальчиков, в развитые страны без сопровождения, — так называемые «парашютные дети» (*parachute kids*). Если детей сопровождают члены семьи, обычно матери, дети благополучны, но матери переживают одиночество и депрессию и беспокоятся, что их мужья могут иметь внебрачные связи на родине. Стратегии совладания со стрессом матерей: участие в жизни этнического сообщества в принимающей стране и создание новых социальных сетей [43, р. 3].

Увеличение числа трансграничных семей интенсифицирует процесс универсализации семейных ролей женщин и мужчин, что также является одной из стратегий адаптации. Например, обязанности, которые выполнял отсутствующий отец-мигрант, часто должна взять на себя мать, остающаяся на родине. В свою очередь муж-мигрант часто принимает на себя женские обязанности, такие как приготовление пищи, уборка и стирка [44, р. 347; 46, р. 12]. Стратегией совладания с аккультурационным стрессом может быть создание новой семьи в принимающей стране. Однако феномен трансграничного двоеженства (двоемужества) пока малоизучен.

Трансграничные матери испытывают особые стрессы. Обычно исследуют матерей-мигранток из бедных стран, которые приезжают в богатые страны и оставляют своих детей на родине [18]. Стратегией совладания со стрессом является изменение ими содержания материнской роли вопреки консервативным ожиданиям, согласно которым матери должны быть заботливыми, ухаживающими и физически находиться со своими детьми. Такие матери включают обязанности добытчицы в содержание своей материнской роли и осваивают дистанционные способы ухода/заботы. Сами матери-мигрантки часто предоставляют услуги по уходу за детьми или пожилыми в принимающей стране — ситуация, которая определена А. Хокшильд как «глобальные цепочки ухода», вплоть до услуг «суррогатного материнства» [3, с. 174]. Даже бабушки, работающие в другой стране нянечками, не ухаживают за своими внуками на родине [9, р. 157]. Трансграничное отцовство, как и отцовство в целом, изучено в меньшей степени.

Особый стресс переживают представители среднего, «сэндвич»-поколения, у которых остаются пожилые родители на родине. Материальная поддержка не возмещает пожилым родителям ухода и заботы со стороны взрослых детей. Трансграничными стратегиями совладания со стрессом разобщенности являются привлечение услуг сиделок, освоение пожилыми людьми IT-технологий общения [10].

Заключение

В течение жизненного пути все семьи испытывают разного рода стрессорные воздействия — как нормативные, так и ненормативные. Понятия ТСС — стрессор, неопределенность границ семейной системы, восприятие, ресурсы, стратегии совладания (coping) и жизнестойкости, гибкости (resilience) семейной системы — востребованы при анализе результатов исследований семей. Восприятие стрессорного события — одно из ключевых понятий теории, которое определяет правильный выбор ресурсов и стратегий совладания со стрессовой ситуацией для предотвращения кризиса.

Выделены два основных направления применения понятий ТСС в зарубежных исследованиях, что не исключает и другие, — например, связанные с изучением семей, в которых один из членов инвалид, страдает разного рода зависимостями (алкоголизм, наркомания, игромания), взрослые дети сменили пол, член семьи узнал об измене партнера, члены семьи находятся в разного рода трудных экономических ситуациях (уменьшение зарплаты, потеря работы).

Одно из перспективных направлений применения теории — исследования распространяющихся семейных структур двух типов, в которых члены семьи перманентно пребывают в стрессовой ситуации. Первый тип: «порознь-вместе» (Living Apart Together — LAT), когда один из супругов работает/учится в другом городе или стране, отбывает

наказание, служит в армии и т. д. Второй тип: «вместе-порознь» (Living Together Apart — LTA), когда супруги или взрослые дети/родители вынужденно проживают в одном домохозяйстве.

На основе анализа результатов исследований можно сделать вывод, что пандемия имела как отрицательные, так и положительные последствия для членов семей. Семьи и члены семей по-разному восприняли связанные с COVID-19 стрессоры, такие как переход на удаленную работу, потеря работы, ослабление социальных контактов, возросшие требования к обучению детей на дому, экономические трудности, а также обладали разными ресурсами и имели неравный доступ к макросоциальным ресурсам.

В одних семьях, согласно зарубежным данным, в условиях пандемии ухудшилось психическое здоровье детей и подростков, повысились уровень родительского стресса, супружеских конфликтов, частота употребления алкоголя и практик домашнего насилия. Положительные последствия изоляции для других семей: увеличение продолжительности семейного общения, ускорение развития новых технологий в бытовой сфере, оптимизация в использовании управления финансами домохозяйства, более справедливое распределение семейных ролей. Так, например, больше отцов стали вовлечены в уход за детьми и занятия со школьниками, помогать женам по хозяйству. Уже в исследованиях XX в. было показано, что мужья и отцы активизируются именно в сложных ситуациях и устраняются от семейных обязанностей, когда в их участии нет острой необходимости. Ситуация пандемии лишнее тому подтверждение.

Выделены основные стратегии совладания членов трансграничных семей со стрессом разделения: изменение ролей женщин и мужчин, общепринятых представлений о материнских/отцовских ролях, создание новых семей в принимающей стране путем сожительства или брака, овладение дистанционными навыками координации услуг на родине для ухода/заботы за пожилыми и/или детьми.

ТСС, в частности представленная в монографиях П. Босс, аккумулирует множество теоретических подходов, в том числе неофункционализм, развитие семейного жизненного пути и социальный конструкционизм. Представляется перспективным использование понятий ТСС при разработке и проведении социологических исследованиях семей в России, испытывающих разного рода стрессорные воздействия — как нормативные, так и ненормативные.

Практический результат применения ТСС в исследовательской практике в России — получение информации о конструктивных и деструктивных восприятиях событий, о стратегиях не/привлечения ресурсов и совладания со стрессовыми ситуациями в различных типах российских семей и жизненных обстоятельствах. В свою очередь, именно результаты, полученные в условиях своей культуры, можно использовать в консультационной работе с российскими семьями. Как

на индивидуальном, так и на семейном уровне важно формировать правильное восприятие стрессоров, рациональное использование ресурсов, адекватные стратегии совладания и гибкость для успешной адаптации в меняющемся социальном контексте.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ⁴

1. *Гурко Т.А.* Социальная работа с неполными семьями. М.: Мин-во социальной защиты населения РФ; Центр общечеловеческих ценностей, 1992. — 55 с.
2. *Гурко Т.А.* Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 95–99. EDN: QIAFPI
3. *Гурко Т.А.* Теоретические подходы к изучению семьи. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ин-т социологии РАН, 2016. — 210 с. EDN: XHMRNR
4. *Гурко Т.А.* Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113
5. *Калугина Е.Л.* Появление второго ребенка в семье как диадический стрессор и особенности супружеского совладания в этот период // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. № 3. С. 157–163. EDN: NTUDFT
6. *Крюкова Т.Л.* Динамические аспекты совладания, ориентированного на близкие межличностные отношения (партнерство, супружество) // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2014. № 2. С. 54–62. EDN: SJFVKL
7. *Куфтяк Е.В.* Семейное совладание: концептуальные положения и исследование // Южно-российский журнал социальных наук. 2012. № 2. С. 16–30. EDN: PYTPUL

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гурко Татьяна Александровна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.
Телефон: +7 (916) 091-50-67. Электронная почта: tgurko@yandex.ru

Дата поступления: 08.03.2022.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2022.
VOL. 28. No. 3. P. 166–183. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9157

Research Article

TATIANA A. GURKO¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

⁴ Полный список литературы см. в References.

THE APPLICATION OF IDEAS OF FAMILY STRESS THEORY IN FOREIGN RESEARCH

Abstract. The relevance of applying family stress theory in research practice is a consequence of increasingly varied stressful events occurring in the context of the evolution and transformation of such institutions as marriage and parenthood, as well as the unpredictable events taking place in the world. The main purpose of the review is to identify those subject areas of family sociology where the concepts of family stress theory (stressor, stress, crisis, resources, event perception, and strategies for coping with a stressful situation) are most often used or where empirical results are interpreted using this theory.

Analysis was based on articles published in leading journals over the last decade: the Journal of Marriage and Family, the Journal of Family Issues, the Journal of Comparative Family Studies, as well as in open sources. Such papers were selected that contained the results of quantitative research and of using qualitative methods such as interviews with family members.

Two main directions were identified. The first is the impact of pandemic-related stressors on families. The second is the stresses experienced by members of cross-border families and strategies for coping with stressful situations at the individual and family level. A large number of research articles on cross-border families are a result of the topic being relevant in many countries, on both the sending and receiving end. In turn, there is the possibility that cross-border families are more likely than others (depending on the criterion of typology) to be subject to various kinds of stressors.

It is shown that in different countries, social groups and families the results of coping with the stressful events associated with the pandemic were both positive and negative. In some families the mental health of children and adolescents declined during the pandemic, there was a marked increase in parental stress, marital conflicts, frequency of alcohol consumption and domestic violence. The positive consequences of isolation for other families included an increase in the duration of family communication, accelerated development of new technologies in the household sphere, optimization of household financial management, a more equitable distribution of family roles. For example, more fathers became involved in child care and classes with schoolchildren, in helping their wives with household chores. Even studies conducted during the 20th century showed that husbands and fathers become active as soon as difficult situations arise and are removed from family responsibilities when there is no more urgent need for their participation, something that was once again confirmed by the whole pandemic situation.

The analysis allowed identifying the main strategies transnational families use to cope with the stress of separation from family members. You see men and women changing their roles, generally accepted expectations about maternal/paternal roles, creating new families in the host country through cohabitation or marriage, mastering remote skills of coordinating services at home for the care of the elderly and/or children.

These two main areas of application of family stress theory do not exclude others. Such as — families where one of the members is disabled, suffers from various kinds of addictions (alcoholism, workaholism, drug addiction, gambling addiction), adult children have changed their gender, a family member has learned about a partner's infidelity, families in various difficult economic situations (salary cut, job loss), etc.

One of the more promising areas of this theory's application is the study of the increasingly more common family structures of two types in which family members are permanently in a stressful situation. The first is "apart – together" (Living Apart Together – LAT), when one of the spouses works/studies in another city or country, is serving a sentence, is serving in the army, etc., or the second is "together – apart" (Living Apart – LTA), when spouses or adult children/parents are forced to live in the same household.

One practical way of applying the theory is obtaining information about constructive and destructive strategies for coping with stress in various types of families and life situations. At both the individual and family levels it is important to form the correct perception of stress and the use of resources, to promote resilience and flexibility for the successful adaptation of families in a changing social context.

Keywords: stressors; perception; resources; coping strategies; crisis; resilience; parents; children; spouses; pandemic; transnational families; care.

For citation: Gurko, T.A. The Application of ideas of Family Stress Theory in Foreign Research. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 3. P. 166–183. 10.19181/socjour.2022.28.3.9157

REFERENCES

1. Gurko T.A. *Social work with one-parent families*. Moscow: Ministry of Social Protection of the Population of the Russian Federation publ.; Center for Human Values publ., 1992. 55 p. (In Russ.)
2. Gurko T.A. Transformation of the family institution. *Sotsyologicheskie issledovaniya*. 1995. No. 10. P. 95–99. (In Russ.)
3. Gurko T.A. *Teoreticheskie podkhody k izucheniyu sem'i*. [Theoretical approaches to family studies.] 2th ed., revised. Moscow: In-t sotsiologii RAN publ., 2016. 210 p. (In Russ.)
4. Gurko T.A. New family forms: tendencies of spreading and concepts. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 11. P. 99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113 (In Russ.)
5. Kalugina E.L. The appearance of the second child in the family as dyadic stress and features of marital coping during this period. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. 2010. No. 3. P. 157–163. (In Russ.)
6. Kryukova T.L. Dynamic aspects of coping focused on close interpersonal relationships (partnership, matrimony). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. 2014. No. 2. P. 54–62. (In Russ.)
7. Kuftyak E.V. Family coping: conceptual provisions and research. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*. 2012. No. 2. P. 16–30. (In Russ.)
8. Ayuso L., Requena F., Jiménez-Rodríguez O., Khamis N. The effects of COVID-19 confinement on the Spanish family: Adaptation or change? *Journal of Comparative Family Studies*. 2020. Vol. 51. No. 3–4. P. 274–287. DOI: 10.3138/jcfs.51.3-4.004
9. Baldassar L., Kilkey M., Merla L., Wilding R. Chapter 8. Transnational families. *The Wiley Blackwell Companion to the sociology of families*. Ed. by J. Treas, J. Scott, M. Richards. Hoboken: John Wiley and Sons, Ltd., 2014. P. 155–175. DOI:10.1002/9781118374085.ch8
10. Baldassar L., Kilkey M., Merla L., Wilding R. Chapter 25. Transnational families in the era of global mobility. *Handbook of migration and globalization*. Ed. by A. Triandafyllidou. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. P. 431–443. DOI: 10.4337/9781785367519.00035
11. Barroso A. *For American couples, gender gaps in sharing household responsibilities persist amid pandemic* [online]. Accessed 22.12.2021. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/01/25/for-american-couples-gender-gaps-in-sharing-household-responsibilities-persist-amid-pandemic/>
12. Bledsoe C.H., Sow P. Back to Africa: Second chances for the children of West African immigrants. *Journal of Marriage and Family*. 2011. Vol. 73. No. 4. P. 747–762. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2011.00843.x
13. Boss P. *Family stress management*. Newbury Park, CA: Sage, 1988. 160 p.

14. Boss P. *Family stress management: a contextual approach*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. 232 p. DOI: 10.4135/9781452233895
15. Boss P., Bryant C., Mancini J. *Family stress management: A contextual approach*. 3rd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2017. 206 p. DOI: 10.4135/9781506352206
16. Bullinger L.R., Boy A., Feely M., Messner S., Raissian K., Schneider W., Self-Brown S. Home, but left alone: Time at home and child abuse and neglect during COVID-19. *Journal of Family Issues*. 2021. DOI: 10.1177/0192513X211048474
17. Ceroni T.L., Ennis C.R., Franklin C.L. The COVID-19 pandemic: Implications for intimate partner violence. *Couple and Family Psychology: Research and Practice*. Advance online publication. 2021. DOI:10.1037/cfp0000208
18. Cervantes A.G. Transnational motherhood. *Encyclopedia of Family Studies*. Ed. by C.L. Shehan. 2016. DOI: 10.1002/9781118374085
19. Dreby J. Children and power in Mexican transnational families. *Journal of Marriage and Family*. 2007. Vol. 69. Iss. 4. P. 1050–1064. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2007.00430.x
20. Feinberg M.E., Mogle J.A., Lee J.K., Tornello S.L., Hostetler M.L., Cifelli J.A., Bai S., Hotez E. Impact of the COVID-19 pandemic on parent, child, and family functioning. *Family Process*. 2021. DOI: 10.1111/famp.12649
21. González-Calvo G., Arias-Carballal M.A. World through glass: A narrative around the family experiences during the confinement of COVID-19. *Journal of Family Issues*. 2021. DOI: 10.1177/0192513X211024989
22. Graham E., Jordan L.P. Migrant parents and the psychological well-being of left-behind children in Southeast Asia. *Journal of Marriage and Family*. 2011. Vol. 73. No. 4. P. 763–787. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2011.00844.x
23. Helland M.S., Lyngstad T.H., Holt T., Larsen L., Røysamb E. Effects of COVID-19 lockdown on parental functioning in vulnerable families. *Journal of Marriage and Family*. 2021. Vol. 83. No. 5. P. 1515–1526. DOI: 10.1111/jomf.12789
24. Hertz R., Mattes J., Shook A. When paid work invades the family: Single mothers in the COVID-19 pandemic. *Journal of Family Issues*. 2021. Vol. 42. No. 9. P. 2019–2045. DOI: 10.1177/0192513X20961420
25. Igielnik R. *A rising share of working parents in the U.S. say it's been difficult to handle child care during the pandemic*. Accessed 20.12.2021. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/01/26/a-rising-share-of-working-parents-in-the-u-s-say-its-been-difficult-to-handle-child-care-during-the-pandemic/>
26. Jiang Y., Tan Y., Wu D., Yin J., Lin X. The double-edged impact of the COVID-19 pandemic on Chinese family relationships. *Journal of Family Issues*. 2022. DOI: 10.1177/0192513X211041990
27. Khoury J.E., Kaur H., Gonzalez A. Parental mental health and hostility are associated with longitudinal increases in child internalizing and externalizing problems during COVID-19. *Front Psychology*. 2021. Accessed 09.02.2022. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Parental-Mental-Health-and-Hostility-Are-Associated-Khoury-Kaur/ea0f4f79a42644ddfc613c8ca168b808d02a67ad>
28. Kim A.J., Zulueta J.O. Japanese families and COVID-19: “Self-restraint”, confined living spaces, and enhanced interactions. *Journal of Comparative Family Studies*. 2020. Vol. 51. No. 3–4. P. 360–368. DOI: 10.3138/jcfs.51.3-4.011
29. Lee J., Chin M., Sung M. How has COVID-19 changed family life and well-being in Korea? *Journal of Comparative Family Studies*. 2020. Vol. 51. No. 3–4. P. 301–313. DOI: 10.3138/jcfs.51.3-4.006
30. Lyttelton T., Zang E., Musick K. Telecommuting and gender inequalities in parents' paid and unpaid work before and during the COVID-19 pandemic. *Journal of Marriage and Family*. 2022. Vol. 84. No. 1. P. 230–249. DOI: 10.1111/jomf.12810

31. Machado da Silva I., Lordello S.R., Schmidt B., Mietto G. Brazilian families facing the COVID-19 outbreak. *Journal of Comparative Family Studies*. 2020. Vol. 51. No. 3–4. P. 324–336. DOI: 10.3138/jcfs.51.3-4.008
32. Maunula L., Dabravolskaj J., Maximova K., Sim S., Willows N., Newton A.S., Veugelers P.J. “It’s very stressful for children”: Elementary school-aged children’s psychological well-being during COVID-19 in Canada. *Children*. 2021. Vol. 8. No. 12. Accessed 29.01.2022. DOI: 10.3390/children8121185
33. May I., Awad S., May M.S., Ziegler A. Parental stress provoked by short-term school closures during the second COVID-19 lockdown. *Journal of Family Issues*. 2021. DOI: 10.1177/0192513X211041987
34. Mazzucato V., Schans D. Transnational families and the well-being of children: Conceptual and methodological challenges. *Journal of Marriage and Family*. 2011. Vol. 73. No. 4. P. 704–712. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2011.00840.x
35. McClain C., Vogels E.A., Perrin A., Sechopoulos S., Rainie L. *Parents, their children and school during the pandemic*. Accessed 20.12.2021. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/09/01/parents-their-children-and-school-during-the-pandemic/>
36. Minkin R. *COVID-19 pandemic saw an increase in the share of U.S. mothers who would prefer not to work for pay*. Accessed 23.12.2021. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/08/31/covid-19-pandemic-saw-an-increase-in-the-share-of-u-s-mothers-who-would-prefer-not-to-work-for-pay>
37. Nobles J. Parenting from abroad: Migration, nonresident father involvement, and children’s education in Mexico. *Journal of Marriage and Family*. 2011. Vol. 73. No. 4. P. 729–746. DOI: DOI: 10.1111/j.1741-3737.2011.00842.x
38. Oecd E., Inform U. *The impact of COVID-19 in the migration area in EU and OECD countries*. 2021 [online]. Accessed 18.02.2022 URL: <https://www.oecd.org/els/mig/00-eu-emn-covid19-umbrella-inform-en.pdf> P. 1.
39. Reimann M., Peters E., Diewald M. COVID-19 and work-family conflicts in Germany: Risks and chances across gender and parenthood. *Front Sociology*. 2022. No. 5–6. DOI: 10.3389/fsoc.2021.780740
40. Rodrigues M., Silva R., Franco M. COVID-19: Financial stress and well-being in families. *Journal of Family Issues*. 2021. DOI: 10.1177/0192513X211057009.
41. Schaeffer K. *What we know about online learning and the homework gap amid the pandemic*. Accessed 28.12.2021. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/10/01/what-we-know-about-online-learning-and-the-homework-gap-amid-the-pandemic/>
42. Schrooyen C., Soenens B., Waterschoot J., Vermote B., Morbée S., Beyers W., Brenning K., Dieleman L., Van der Kaap-Deeder J., Vansteenkiste M. Parental identity as a resource for parental adaptation during the COVID-19 lockdown. *Journal of Family Psychology*. 2021. Vol. 35. No. 8. P. 1053–1064. DOI: 10.1037/fam0000895
43. Shih K.Y. Transnational families. *Encyclopedia of Family Studies*. Ed. by C. L. Shehan. 2015. DOI: 10.1002/9781118374085
44. Solheim C.A., Ballard J. Ambiguous loss due to separation in voluntary transnational families. *Journal of Family Theory & Review*. 2016. Vol. 8. No. 3. P. 341–359. DOI: 10.1111/jftr.12160
45. Swit C.S., Breen R. Parenting during a pandemic: Predictors of parental burnout. *Journal of Family Issues*. January 7, 2022. DOI: 10.1177/0192513X211064858
46. *Transnational families and the social and gender impact of mobility in ACP countries*. International Organization for Migration (IOM). 2012. 27 p. Accessed 20.07.2021. URL: <https://publications.iom.int/books/transnational-families-and-social-and-gender-impact-mobility-ACP-countries>

47. Van Hook J., Glick J.E. Spanning borders, cultures, and generations: A decade of research on immigrant families. *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82. No. 1. P. 224–243. DOI: 10.1111/jomf.12621
48. Van Tienoven T.P., Minnen J., Glorieux A., Laurijssen I., te Braak P., Glorieux I. Locking down gender roles? A time-use perspective on gender division of household labour during the COVID-19 pandemic lockdown in Belgium. *Journal of Family Issues*. 2021. Accessed 27.12.2021. DOI: 10.1177/0192513X211054463
49. Westrupp E.M., Bennett C., Berkowitz T., Youssef G.J., Toumbourou J.W., Tucker R., Andrews F.J., Evans S., Teague S.J., Karantzas G.C., Melvin G.M., Olsson C., Macdonald J.A., Greenwood C.J., Mikocka-Walus A., Hutchinson D., Fuller-Tyszkiewicz M., Stokes M.A., Olive L., Wood A.G., McGillivray J.A., Sciberras E. Child, parent, and family mental health and functioning in Australia during COVID-19: comparison to pre-pandemic data. *European Child & Adolescent Psychiatry*. 2021. DOI: 10.31234/osf.io/ydrn9
50. Wu Q., Xu Y. Parenting stress and risk of child maltreatment during the COVID-19 pandemic: A family stress theory-informed perspective. *Developmental Child Welfare*. 2020. DOI: 10.1177/2516103220967937

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Gurko — Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (916) 091-50-67. **Email:** tgurko@yandex.ru

Received: 08.03.2022.
